

Борис ЕФРЕМОВ

ПРЕДАНИЕ
О СЕРАФИМЕ САРОВСКОМ

Роман в стихах

6+

Борис Ефремов

**Предание о Серафиме
Саровском. Роман в стихах**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Ефремов Б. А.

Предание о Серафиме Саровском. Роман в стихах /
Б. А. Ефремов — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Трудно представить, но в пушкинские времена жил человек, который знал, что наша страна неуклонно идёт к революции, к уничтожению своих православных традиций, к страданиям долгим и жестоким, но что через сто лет после смуты она станет на путь возрождения отцовской веры. Мы говорим о преподобном Серафиме Саровском, святом, пророке, чудотворце, целителе народном. Предлагаемая вашему вниманию книга о его трудной, но счастливой жизни, до капельки отданной России. Это роман в стихах, написанный в классической, пушкинской манере, в жанре сегодня почти забытом. Тем интереснее будет знакомиться с деяниями и пророческими прозрениями русского гения.

*...небо – престол Мой, а земля – подножие ног Моих;
где же построите вы дом для Меня и где место покоя
Моего?*

*...А вот на кого я призрю: на смиренного
и сокрушенного Духом и на трепещущего
пред словом Моим.*

Из Пророка Исаии, 66, 1-2

ЛЕТНИЕ ГРОЗЫ

(Пролог)

Как повелось тем летом жарким,
В избытке ливней грозových,
Они играли на лужайке
Перед оградой Мошниных.
И только тучи выпускали
Колючих стрел шумливый лес,
Мальчишки всей гурьбой бежали
Во двор мошнинский под навес.
Рубашки с мокрых плеч тащили,
Жгутами скручивая так,
Что под навесом струи лили,
Как лил с небес дождливый мрак.
Но неумный Вовка Тришкин,
В округе самый озорной,
Вертел упрямо головой:
«А может, в чиху, ребятишки,
Покуда дождик проливной?»
«Ну ты даёшь! – смеялся Прошка,
Хозяин этого двора. —
Сперва подумал бы немножко.
Какая в этой тьме игра?
Видать, до светопреставленья
Дождь разошёлся – не на час.
Уж лучше нам продолжить чтение.
На чём расстались прошлый раз?»
Мальчишки бросили одежду
В ненастном шуме выжимать.
«О преподобном начал, Прошка,
Ты сказку длинную читать...»

Володька Тришкин недовольно,
Как бы за что-то Прошке мстил:
«Уж как-то по-смешному больно
Медведя хлебом он кормил.
У нас сосед в лесу недавно

Топтыгу встретил, так стрелой
Летел до города, бесславно
Ружьишко бросив под сосной.
А ты – кормил из рук топтыгу...»

Но вновь прервал его Мошнин:
«И я бы дёру дал и ты бы.
И все мы вместе не смогли бы
Один с медведем на один». —
«Да сказки это, Прошка, сказки!
А ты поверил им, чудной». —
«Ох, даст тебе за это таски...» —
«Кто это даст?» – «Да кто? Святой».
Они наскоком, петухами
Сошлись. Но надобно сказать,
Остыли тут же. И с друзьями
В мошнинский дом пошли читать.

* * *

Над «Житием» склонившись, Прошка
Читал, как в храме пономарь,
Ну, по-мальчишески немножко,
Но всё же уличная хмарь,
Хотя совсем не разгонялась,
И дождик лил, как из ведра,
Однако ребятне казалось,
Что, вроде, солнце прорывалось
Сквозь дальний частокол двора.
И ливень, вроде бы, кончался,
И в огороде между гряд
Монах с мотыгой появлялся,
Не по заслугам простоват.

И подходил к нему крестьянин,
И говорил: «Я, отче, наг,
Но мне и ты одёжкой равен,
И ты из бедняков бедняк.
Как я, не шибко многодумен,
Такая же к работе прыть.
А мне, браток, нужён игумен,
Хотел бы с ним поговорить. —
И дальше, вовсе неумело: —
Слышал, что наших он кровей.
А потому такое дело —
Веди к святому поскорей».
«Ты угадал, – монах ответил. —
Тут все с тобой кровей одних.
Я наг и нищ, как ты заметил.

Игумен тоже из таких».

Не первый раз о жизни старца
Читал Мошнин, и оттого
И голос пономарский брался,
И стиль напевный у него.
Уж он заканчивал страницу,
Где пахарь, в вере не остыв,
Пришёл к игумену проситься
Хотя бы служкой в монастырь.
Тут глухо стукнула калитка.
Прервав обычные дела,
В промокшей дождевой накидке
Мать Прошки в горницу вошла.
«А я-то думаю – кто свечки
В квартире нашей в полдень жжёт?
А это ты, моё сердечко,
И курский избранный народ!»
Агафья в пояс поклонилась:
«Пришедший в гости – Божий дар.
А тут приход, скажи на милость.
Пойду поставлю самовар».

* * *

Давно гроза отгрохотала,
Уже обсохло всё кругом,
А ребятишкам дела мало,
Сидят в светлице за столом.
С баранками да с калачами,
Да с сахаром, что до краёв
Агафьи добрыми руками
Наколот в вазу, – будь здоров,
Как чай густой в охотку пьётся;
Какой весёлый разговор
Среди чаёвников ведётся!

В игре, в делах и в слове скор,
Володька Тишкин у хозяйки,
Пустую чашку протянув,
Спросил: «Скажите мне, незнакомке,
А тот святой, что не моргнув
Кормил хозяина лесного,
Он – Радонежский? И у нас
С таким названьем, слово в слово,
Пошто-то строят храм сейчас».

«А потому, мой друг любезный, —
Она ответила ему, —

Что христианский путь наш тесный
Нас приучает к одному.
Мир держится со дня рожденья,
С первоначальных дней своих
Не человеческим хотеньем,
Но лишь молитвами святых.

Когда монголы и татары
Совсем недавнею порой
Святую нашу Русь топтали
Своей бесчисленной ордой, —
Они тогда и знать не знали,
Что там и тут, в местах глухих,
С годами силы вызревали,
Которые изгонят их.
Но главной силой был пустынный.
Он в *ра*донежской стороне
Святую истину постигнет,
Как гибнущей помочь стране.
Он князю Дмитрию Донскому
Благословенье даст, чтоб он
Собрал бы воинство людское
Разрушить дьявольский полон.
И вот когда он шёл на битву,
На тьму монголов и татар,
На непрерывную молитву
В монастыре игумен стал.
Он видел всех, кто в битве падал,
Сражённый вражеской рукой,
И под скорбящим этим взглядом
Терпел крушение тать лихой.
А он молился и молился
На радость нам, на зло врагам.
Вот потому и появился
Одноимённый курский храм».

Забыв о чае ароматном,
Глаза Володька опустил:
«А я, вреднее супостата,
Уж согрешил так согрешил.
Когда нам про медведя Прошка
И про святого прочитал,
По правде, а не понарошку
Я это сказкой обозвал.
Теперь дошло, как был неправ я...»

Он так по-взрослому открыл
Своё страданье, что Агафья
Как бы сиянье горних крыл

За ним увидела. Хозяйка
Сказала: «Гибельную тьму
Разгонит исповедь. Давай-ка
С тобой помолимся *ему*».

Они стояли у иконы.
И так тепло смотрел на их
Исповедальные поклоны
Всея Руси святой святых.

ЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

*Я долго к этому преданью
Шёл неподатливой тропой.
Через грехи свои, страданья,
Но и великие деянья
Подвижников страны родной.*

*Когда, сам на себя озлобясь,
Я думал – грех мой навсегда,
Вставал передо мною образ,
Как Вифлеемская звезда.*

*То был один из ликов чудных,
Который я, конечно, знал,
Но в несуразных, многотрудных
Своих скитаньях забывал.*

*А образ в горький миг иконой
Входил в большую душу вдруг
И неустанно, неуклонно
Меня вытаскивал, как друг,
Из грязи, что была вокруг.*

*На этот раз в моём чертовском
Паденье, не чета другим,
Ты руку мне подал, Саровский,
Богopodobный Серафим!*

*Ты для меня был всем, что свято,
Что недоступней, чем судьба,
Как Радонежский был когда-то
И есть для нас и для тебя.*

*Но ты сказал мне, что негоже
Тебя до неба возносить,
Что страшный грешник ты такой же
И что хотел бы лучше быть.*

*Росши дух! Ты словно берег
Среди губительных морей.
Ты мне в себя помог поверить
И вывел из беды моей.*

*И, бесконечно благодарный,
Принялся я за этот труд
В надежде, что в дороге дальней
Твои молитвы сил дадут.*

*Они нужны мне, как дыханье,
Как крестик, что спасёт в бою,
Нужны, чтоб новое преданье
Не исказило жизнь твою.*

ЗЕМНОЕ И НЕБЕСНОЕ

(Глава первая)

Ещё зарёй не заалело
Ночного неба полотно,
А Вовка (вот не спит, холера!)
Тихонько постучал в окно.
«Ну, чо тебе? – ответил Прошка. —
Рыбалить нынче не пойду». —
«Да подожди же ты немножко.
Кажись, я впрямь попал в беду».

Мошнин поднялся недовольно,
Открыл окно. И вправду друг
Белее мела – видеть больно —
Стоял. В глазах застыл испуг.
«Да чо с тобой?!» – В плену икоты
Он кое-как проговорил:
«Я спал уже... а он с иконы...
Сердито... пальцем... погрозил...»
Кто погрозил – пытался Прохор
Узнать в наставшей тишине,
Но, видя, как бедняге плохо,
Сказал: «Давай залазь ко мне».

Они лежали на кровати,
Не говорили ни о чём.
И тут Мошнин сказал: «А кстати,
Мы утром с мамкой в храм пойдём.
И ты». – «Да ловко ли втроём?» —
«А чо такого, ты ведь с нами.
Иди и не бойсь о том.
Нам по делам на колокольню,

Тебе к святому прямиком». —
«Дак я в молитвах-то не больно...» —
«А ты простецким языком
Ему о горе о своём...».

* * *

Но мать решила по-другому.
Они вошли все вместе в храм,
Отдали почести святому,
И по строительным делам
Агафья с сыном удалилась.
А Вовку мастер не пустил.
Запрещено. «Скажи на милость,
Мне быть на стройке запретил.
Да я на этой самой стройке
Бываю сотню раз в году.
Хоть на замок её закройте,
Туда я снова попаду».

И правда – тайными путями
Он в колокольню проникал,
Когда над сонными домами
Закат печально угасал.
Но Вовке не было тоскливо.
С предельной этой высоты
Он видел света переливы,
Дома, деревья и кусты.
И лавки рынка городского,
И у гостиного двора
Могучий дуб, и рябь речного
Теченья, или золотого,
Или же сплошь из серебра.

Что он пока ещё не видел —
Так это ряд колоколов,
Вчера лишь поднятых. В обиде
Он на бригадных удалцов?
Да нет же! Их земное чудо,
И дня, пожалуй, не пройдёт,
Оценит он. Ну, а куда
Внизу он Прошку подождёт.

* * *

Агафью с сыном мастер встретил
У новых башенных дверей.
Гулял по колокольне ветер
В прохладе утренней своей.

Они степенно поднимались
По лестнице вдоль круглых стен.
Глаза у Прошки разгорались
От двухнедельных перемен.
Тогда – венцы кирпичной кладки,
Хаос строительный сполна,
А нынче – строго всё, в порядке,
Известки свежей белизна.

У взрослых – разговор, касаем
Пока ещё всего подряд.
«Эх, жил бы Исидор-хозяин,
Как был бы он сегодня рад! —
Строитель говорил о муже
Агафьином: «Куда тебе!
Его мы все любили дюже.
Молюсь о Божием рабе...»

И в самом деле был удачлив
Торговец Исидор Мошнин.
Не требовал, бывало, сдачи,
Когда случалось в магазин
Зайти за чем-нибудь. Мамона
В купцовы руки так и шла.
И это не в обход закона,
По Божески вершил дела.
Над золотом не чах в подвале,
В кубышке денег не копил.
Его доходы воздвигали
В округе храмы. Этот был
В почётной дюжине по счёту.
Бог миловал – проект создал
Растрелли сам, ну, а работу
Строитель курский исполнял.

Пока Агафья скучно-светский
Вела о стройке разговор,
Сынишка с любопытством детским,
Их обогнав, во весь опор
На верхотуру устремился,
Где чуткие колокола
Позванивали чуть. Затмился
Мальчиший разум. Понесла
Его нелёгкая быстрее.
И с поднебесной высоты
Он оборвался вдруг...

Страшнее
Простора этой пустоты

Не знали мы с моею лирой...
Жизнь только-только началась,
И вот с земным прощанье миром,
Как нитка,
связь
оборвалась...

* * *

Белей, чем смерть, бежал строитель.
«Зачем я только разрешил
Мальчонку взять... Несчастный житель...
И жил и, вроде бы, не жил...»
Но мать быстрее добежала.
И что же? Видит – сын стоит
Ни в чём как будто не бывало!
Вот только... удивлённый вид...

Как будто перед сыном каясь,
Сказала, содрогаясь вновь
И на колени опускаясь:
«До смерти я перепугалась...
А ты, роднуля... жив-здоров...»

Тут мастер подбежал: «Едва ли
Всё получилось без того,
Чьим именем мы храм назвали.
Великий Сергей спас его».
И Прошка, словно подтверждая
Догадку, робко произнёс:
«Как будто сила там какая
Меня держала». – «Сноп волос
Так дыбарем и подымался. —
Володька Тишкин подошёл. —
Я видел всё. И напужался.
Видать, за ентовский хохол
Его невидимо держали».

А в высоте колокола
Чуть слышно на ветру звучали.
И ливня наплывала мгла.

* * *

И всё же чудное паденье
Оставило опасный след.
Он заболел, а излечения —
Проходит время – нет и нет.
Врачи, сменявшие друг друга,

Дежурившие день и ночь,
Считались лучшими в округе,
И всё же не могли помочь.

И вот во сне он видит ясно —
Мария-дева подошла,
Над ним склонила лик прекрасный,
Больного за руку взяла.
И внятно, с неземною силой
Сказала (так читают стих):
«К тебе приду я, отрок милый,
И исцелю от бед твоих».

И хорошо на сердце стало,
И он придумывал ответ,
Но, как речной туман, пропала
Пречистая. Была и нет.
И сон со временем забылся,
Почти ушёл в туман седой.

Но вскоре крестный ход случился
С иконой Курской Коренной.
И, чтобы в луже-океане,
Что встала на пути у них,
Не потонуть, пошли миряне
Через ограду Мошниных.

Агафья сына приложила
К святыне – и болезни тьму
Сожгла икона. Жизни сила
Вернулась прежняя к нему.

А вскоре старший брат к семейным
Делам мальчишку приобщил.
Сначала он благоговейно
Всё, что положено, вершил.
Но чуть позднее за прилавком
Доходы-прибыли считать —
И скучным делом, и не главным
Уж находил. Пораньше встать
Старался, чтобы в храм на службу,
К заутрене не опоздать.
А там опять же было нужно
Хвалить товар и продавать.

Но если только выпадала
Минута без мирских забот,
Его от стойки отрывала
Та сила, что всегда живёт

В отшельниках. Он принимался
За чтение священных книг
И над землёю поднимался,
Как Сергей, Божий ученик.
И брат не раз его за чтением,
В блаженстве этом заставлял.

«Пожалуй, Божьим повеленьем
Ты не купец», – он с сожаленьем
Подумал эдак и сказал:
«Ты вот что, Прошка. Ты сегодня
Всю правду маменьке скажи.
Твоя стезя – стезя Господня.
Любая правда – лучше лжи».

* * *

Признаться, и сама об этом
Агафья думала не раз.
Паденье сына стало метой,
Святой недаром сына спас.
Пусть сходит в Киевскую лавру.
Там есть отшельник Досифей.
Он заслужил в народе славу
Стезёй пророческой своей.
И если в Прошке дар отрадный —
Сподобит славный путь ему.
Она же замышлять преграды
Не станет сыну своему.
Но даст ему благословенье
И медный крест, который был
Из поколения в поколение
Источником духовных сил.

Агафья так и поступила,
И сын покинул отчий дом
Лишь с тем, что самым ценным было —
С благословеньем и крестом.
И с тем крестом, тяжёлым, медным,
Мошнин во все свои года,
Как с Божьим даром заповедным,
Не расставался никогда.

* * *

А в лавре Киево-Печерской
Господь их в самом деле свёл.
Скитальцы шли гурьбою тесной,
И Прохор вместе с ними шёл.

Такую дивную святыню
Мальчишка видел в первый раз.
Шёл по-простецки рот разиня
И не сводя подолгу глаз
С церквей, построек монастырских.

Их гид, почтенных лет монах,
Кровей отнюдь не командирских,
Нетороплив, но строг в словах,
Провёл их каменным подворьем,
По тайным сумеркам пещер.
Всё было, не без Божьей воли,
Как назиданье и пример.
Но незаметно пролетели
Часы блаженные. И вот
Экскурсовод мальчонку в келью
На удивленье всем ведёт.

«Удачник! Счастье привалило», —
Услышал Прохор за спиной.
А у него как будто силы
Не остаётся никакой.
Что скажет он, юнец зелёный,
Отшельнику, который век
Прожил в молитве окрылённой?
Святой, по сути, человек.
Но вышло, что святой не много
Его расспрашивал. Спросил:
«А любишь ли, мой милый, Бога?» —
Глаза удачник опустил.
«Люблю. И с каждым днём острее.
Но горе сердцу моему —
Хочу, но как-то не умею
Всё это высказать Ему».

«В Саровскую, мой милый, пустынь
Гряди. Лишь там, и только там
Тебя и письменно и устно
Делам обучат и словам.
Ты в этой пустыне духовно
На службе Богу возрастёшь.
Послужишь людям полнокровно,
И в царство вечное уйдёшь».

И он спешит к реке Саровке,
Где, курскую венчая ширь,
На взгорье примостившись ловко,
Мужской прижился монастырь.

НА БЕРЕГУ САРОВКИ

(Глава вторая)

Пахомий, живший раньше в Курске,
Отец отшельного мирка,
По-православному, по-русски
Радужно встретил земляка.
Как Досифей, и он приметил
Огонь взрослеющей души,
Сказал, как день весенний светел:
«Ну что же, Прохор, послужи,
Отстав от омута мирского,
Тому, кто мир от смерти спас».

И вот у старца он святого
В послушниках. И в первый час
Мошнин уже в пекарне жаркой;
Заслонка так накалена,
Что чем-то вроде длинной палки
Отодвигается она.
И хлеб духмяный на лопате,
И тоже крепко раскалён.
И тут припомнилось некстати,
Как за прилавком «чахнул» он.
Всё стой и стой зимой и летом,
И черепахой время шло...

Теперь, поди-ка ты, об этом
Так вспоминается светло.
Но он забыть себя заставил
Прошедшее, как тяжкий сон.
Здесь нету тех свободных правил,
Здесь высшей строгости закон.
И как бы сердце ни хотело
Вернуться к прошлому тому —
Оно бесследно пролетело,
И возвращенья нет к нему.

Потом была столярка. Кузня
Её сменила. А потом
Просфорня следом. Эка, грузно
Профессии копились в нём.
И если кто-то в чём нуждался,
И словно камень шёл ко дну,
То непременно направлялся
Всё в ту же келейку одну.
Незнайке знающий отшельник
Советовал: «Верней всего,

Иди к Иосифу. Келейник
Великий мастер у него...»

ЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

*О, Серафиме чудотворный!
О, преподобный отче наш!
Ты со своей вершины горней
На всепланетный ералаш*

*Печальным взором напряжённым
Глядишь и молишься за нас.
Неверием опустошённым,
Нам всё едино – век и час.*

*Безумно мы ушли от Бога
В печальном большинстве своём
И неразумно и убого
Для тела грешного живём.*

*Нам власть нужна, нужны богатства,
Нужны и слава, и почёт.
Нам наплевать на честь и братство,
На всё, что к Господу ведёт.*

*Нам не любить друг друга надо,
А изгонять и убивать.
Война – и мать нам и отрада,
Причастие и благодать.*

*В нас – ледниковая застылость
И древнегреческий Борей.
Но прояви к нам, отче, милость
И души наши обогрей.*

*В молитвы мы не очень верим,
Но ты молись за нас, молись.
И, может быть, назло потерям,
Духовней станет наша жизнь.*

*И, может быть, из долгой фальши
Мы свет увидим лучших дней.
Молись, как ты молился раньше,
В Саровской пустыне своей.*

НА БЕРЕГУ САРОВКИ

(Продолжение)

Туманной утренней порою —
Ещё и птицы не поют,
Лишь только сторож храм откроет,
А наш послушник тут как тут.
Легко идёт к иконостасу,
Но молчаливые шаги
И Богородице, и Спасу,
И Духу Церкви – жизни гимн.
Напоминают, что начался
Христовой славы новый день.
Однако сумрак не сдавался,
В холодном храме всюду тень.
Но вот свеча у аналоя
Горячим пламенем зажглась.
И сразу в тишину покоя
Ручьём молитва пролилась.
Священник, зажигая свечи,
В устах улыбку затаил.
«Ведь новичок ещё. А нечем
Мне упрекнуть его. Где сил
Берёт мальчишка! Даже старцы,
Так от огня отличен дым,
По высшей мерке, может статься,
В молитве не сравнятся с ним...»

Он Мошнина на службе видит –
Стоит послушник час и два,
Насколько служба длинной выйдет.
Что он живой, едва-едва
Со стороны заметишь это.
Напрасно хлопнешь по плечу,
Не будет от него ответа.
И лишь в глазах сиянье света,
Невиданные вспышки чувств.

«А если, – остро мысль мелькнула, —
Мне взять его пономарём?
Вот и проблему ветром сдуло.
Пожалуй, славно заживём».

Когда послушник новый кротко
Вошёл за батюшкой в алтарь,
Припомнил, как сказал Володька:
«Читаешь, словно пономарь».

* * *

Из храма Прохор торопился
Не к монастырскому столу,

Он в тихой келейке садился
Со Словом Господа в углу.
Или за проповеди брался
Кого-то из святых отцов.
Или молиться принимался
Перед Христом. В журчанье слов,
Ему чудесно открывался
Хор Богу. Из цепей земных
Он вырывался и терялся
В неведомых мирах иных.

Но самого себя потерю
Потерей вряд ли назовёшь.
Ты растворён в Христовой вере,
Одною верой ты живёшь.
И ничего на свете слаще,
И ничего разумней нет.
Как будто ты в небесной чаше
Без горя и земных сует.
И, вероятно, не случайно
В Сарове старцы помудрей
Усваивали Божьи тайны,
Не в келье сумрачной своей,
А где-нибудь в лесах дремучих,
Которые под пенье вьюг
И солнечных метелей жгучих
Росли на монастырской круче
И на десятки вёрст вокруг.

* * *

Послушник с первой просьбой к старцу,
Чтобы в свободные часы
Дал разрешение удаляться
В лесные дебри. «Милый сын!
По возрасту, пожалуй, рано
Тебе нести сей тяжкий труд,
Но я препятствовать не стану.
Тебе, пожалуй, впрок пойдут
Уединенные моления.
С начальных дней заметил я,
Что тишина уединенья
Как мать родная для тебя...»

Нашёл по вкусу дебри Прохор.
Едва сквозь ветки свет дневной,
Он думает: «Совсем неплохо.
Вот только чёрточки одной
Не достаёт. Тут словно в клетке.

Зато такой простор в душе.
И всё же лакомку медведку
Сюда бы мне». А сам уже,
Сердечному предавшись ритму
Да так, что мир растаял аж, —
За Иисусову молитву,
За «Символ веры», «Отче наш».

И снова вечности дыханье,
И к Божьей Истине полёт,
Которые войдут в преданья
И – *в наше* – входят.

* * *

Минул год
Упорного служенья Богу.
Собратья по монастырю
Его особую дорогу
Признали дружно как зарю
Духовно-новых восхождений.
Признали в Прохоре талант
И даже не талант, а гений
Житьё своё устроить в лад
С горячей высотой молений.

И вдруг послушник заболел,
Да так безудержно-опасно,
Что не вставал, смертельно бел,
И ежедневно, ежечасно
Мученья страшные терпел.
Иосиф у его постели
Дежурил служкой день и ночь.
И вот, как птицы, улетели
Последние надежды прочь.

«Как хочешь, – говорит больному
Иосиф, – видно, без врача
Не обойтись. А по-другому
Никак нельзя. Не ровен час». —
«Не ровен час. Да только, отче,
Я дух свой Господу отдал.
Он и Целитель главный, впрочем», —
Духовнику больной сказал.
И духовник умолк, смирился,
Желанье смертника – закон.
А смертнику в ту ночь приснился
Невероятно странный сон.

В потоке света неземного
Сошла из звёздного шатра
Святая Матерь Бога Слова
В сопровожденье Богослова
И с ним апостола Петра.
Она рукою показала
На Прохора, что в полумгле
Лежал под ветхим одеялом,
«Сей – рода нашего», – сказала
И прикоснулась к голове
Послушника. И наш пустынный
Почувствовал, как сразу боль
Неугасимая остыла,
Рассеялась сама собой.

И он глаза открыл. Лампада
Иконный освещала лик.
Он встал. Забытая прохлада,
Как благодатная награда,
Его взбудрила. Он приник
К простому старому окладу,
Но за спиною в этот миг
Услышал чей-то хриплый крик.
И оглянулся.

        Духовник,
В углу устало прикорнувший,
Очнувшись, чудо увидал.
И только: «Ай да Прохор! Ну уж
И напугал ты всех!» – сказал.

* * *

На месте кельи чудотворной
Теперь стоит старинный храм.
Паломники тропой нагорной
Идут гуськом к его стенам.
Сперва по нижнему приделу
Проводит их саровский гид.
И основательно, умело
О днях минувших говорит:
«Здесь в алтаре из кипариса
Чудесной выделки престол.
А вот вам в качестве сюрприза! —
На свет Господень произвёл
Сие прославленное чудо
Наш преподобный Серафим.
Здесь причащался он, покуда
Не распрощались братья с ним...»

А он тогда не Серафимом,
А Прохором всё тем же был.
И в том же рвении едином
Христу Спасителю служил.
Когда по случаю спасенья,
Чудесного на удивленье,
Решили тут построить храм,
Послушник проявил стремленье
Ходить по сёлам-городам,
Святые жертвы собирая.
И в Курске побывал тогда.

Уже друзей бывлая стая
Поразлетелась кто куда.
И мать давно уж на погосте
Закончила свой путь земной.
Но брат был жив. Он встретил гостя,
Как следует душе родной.
Отдал ему из сбережений
Традиционно славный куш.
И на прощанье на ступени
Крыльца, что позабылись уж
Отшельником, присели дружно.
«А вот не скажешь, Тишкин где?» —
«Не ведаю, признаться нужно,
Но говорят – в монастыре».

Вот встали. Вот друг другу руки
Пожали крепко. Обнялись.
Дороги их в житейском круге
Ни разу больше не сошлись.

ГОРЕТЬ ДУШОЮ ДО УТРА...

(Глава третья)

Настало время постриженья.
Шла к цели молодая жизнь.
А для Пахомия мученья
В духовном смысле начались.
Для инока какое имя
Святой отец не подбирал,
Оно значеньями своими
Не подходило. Инок мал,
Да вера у него такая,
Что Царства Божия она,
Дворцов великолепных рая
Достойна... Дивная страна...
В ней ангелы... А между ними —

Наичистейшее звено,
Возвышенные Серафимы...
Пред Богом первое оно...
Вот имя Прохору!.. Конечно,
Оно других превыше всех.
Но верой искренней, сердечной
Сей инок переборет грех
Земных стремлений и потех. —

Так настоятель думал. Впрочем,
Саровский инок молодой
Отнёсся к этому не очень,
Чтоб с понимаем и душой.
Он после пострига подходит
К Иосифу и перед ним
Сомнением делится своим:
«Отец! На что это походит?
Какой я, право, Серафим!
Во мне грехов, как рыбы в море».
А тот в ответ: «Уразумей.
Тут, право, никакого горя.
Он настоятель. С ним не спорят.
Ему, конечно же, видней».

* * *

Иеродьякона такого
Саров пока ещё не знал.
У Серафима, что ни слово,
То воплощённый идеал.
И если Божии реченья
На службах он произносил,
То было столько в них свеченья,
И столько благодатных сил,
Что сердце млело от восторга,
Воспринимая всё вокруг,
Как будто солнце в час восхода
Лучисто засияет вдруг.

Пахомий, да и все другие
Любили вместе с ним служить
По воскресеньям литургии.
Удачней не могло и быть.
Но как-то промах приключился.
Иеродьякон на амвон
Ступил, уже приноровился
Читать молитву, — только он,
Забыв слова, остановился,
И то ли возглас, то ли стон

Монахи в храме услышали.
В момент дьячок и пономарь
Под локти Серафима взяли
И отвели его в алтарь.

Уж литургия отзвучала,
Давно монахи разошлись.
А он сидел. Как будто жизнь
Ушла. Её как не бывало.
Вновь за пустытника молись,
Как в дни былые, настоятель!
И на коленях перед ним
Пахомий шепчет: «Мой Создатель!
Как бы опять наш Серафим
Не занемог». Но вдруг очнулся
Иеродьякон: «Ах, отец!
Не думай, что я сбился с курса
И что я больше не пловец.
Я нынче увидал такое,
Что после этого, как знать,
Мне, может, прежнего покоя
До самой смерти не видать.
Необъяснимое сиянье
Вдруг переполнило придел.
Церковное исчезло зданье,
Лишь дивный хор небесный пел.
И вот при всей почётной свите
От наших западных ворот
Идёт по воздуху Спаситель,
Как шёл по кручам бурных вод.
Благословил нас всех, прекрасный
Душой, и телом, и лицом,
И в образ свой иконостасный
Вошёл, как люди входят в дом.
Я раньше ангельское пенье
Здесь слышал. Видно, неспроста.
А нынче новое явление —
Живого Господа Христа...»

Пахомий с трепетом великим
Внимал признанью чернеца.
Потом сказал, светлея ликом:
«Об этом помни до конца.
Но больше никому ни слова.
Что было – только лишь для нас» ...

Он в этот день родился снова.
Уже, считайте, в пятый раз.

* * *

И в сане иеромонаха
Он оставался сам собой.
Без сожаления и страха
Он душу возносил на плаху,
С грехами вёл смертельный бой.
Казалось, всё по монастырским
Вершилось нормам. Чуть рассвет
По кронам пробежал остылым,
А сна уж и в помине нет.
Насельник начинал молиться,
Потом спешил на службу в храм,
И вновь старался удалиться
К своим молитвенным трудам.
И вряд ли кто-то в Божьем доме
В те вечера предполагал,
Что он обитель покидал.
И лишь Иосиф да Пахомий
Об этом знали. Покрывал
Округу сумрак. И в чащобы
Спешил пустынный, чтобы там
Быть в одиночестве и чтобы
Отдать всего себя словам,
Чистосердечным просьбам к Богу
Грехи бесчётные простить,
Вести тропой к Его порогу
И к вечной жизни приобщить.

Как хорошо в тиши молиться,
Гореть душою до утра!
Но вот уже рассвет струится,
И в монастырь идти пора.

ЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

*Я в предыдущем отступленьи
Поведал вам, душой скорбя,
Про все земные поколенья,
Но в большей мере – про себя.*

*Мы все виновны перед Богом
За то, что в суете страстей
Идём по призрачным дорогам
В гордыне призрачной своей.*

*А я виновен бесконечно.
Пусть не великий, но поэт,
Иду в неведомую вечность*

Того, Кто подарил нам свет.

*Но ведь поэт пророк немного
И света проводник живой.
И этот свет по воле Бога
Я людям нёс весь путь земной.*

*Нередко и ошибки были
В пути, но я их устранял,
Как только в нашем русском стиле
Их запоздало постигал.*

*А вот духовные ошибки
Из часа в час, из года в год
Я в жизни исправлял не шибко,
Хотя и знал наперечёт.*

*Я думал: на потом оставлю.
Не раз на исповедь приду.
И постепенно всё исправлю.
И счёты с дьяволом сведу.*

*Да вот ведь, даже исповедав
То, чем грешил давным-давно,
К своим полузабытым бедам
Я возвращался всё равно...*

*Когда-то Иоанн Кронштадтский
Отметил в дневнике своём,
Чем одинаков мир наш братский —
Непостоянны мы во всём.*

*Эдемский грех – непостоянство.
Оно произвело на свет
Безбожие, обман и хамство
И то, что мира в мире нет.*

*Произвело и всё другое,
И потому добро и зло
Нам в той же степени благое,
Как золото и серебро.*

*И я, поэт, непостоянен.
Сегодня и высок, и чист,
А завтра снова в грязной яме,
Как занесённый ветром лист.*

*И я, как все, нестойкий, хлипкий.
Но ведь поэт же я, поэт!*

*И мне за все мои ошибки
Вдвойне,
втройне
прощенья нет.*

*О, Серафиме, гений русский!
Помилуй и убереги.
Не дай сойти с дороги узкой
И укрепи мои шаги.*

*Но дай мне на стезе холодной
Твой дух постигнуть благородный,
Твою счастливую звезду,
К которым я пока бесплодно
Стремлюсь,
и всё-таки
иду.*

ЦАРЬ ЛЕСНОЙ

(Глава четвёртая)

Святой Пахомий в день кончины
Призвал к себе ученика:
«Уже у края путь мой длинный,
В иные ухожу века.
Там встретимся. А ныне, брат мой,
Благословение моё
Прими на Божий подвиг ратный.
Тебе по сердцу бытиё
В молитвенном уединенье.
Я дал наказ в твоих местах
Срубить келейное строенье.
Молись за мой телесный прах
И душу грешную. А в целом,
За весь людской греховный род...»

И он ушёл. Простились с телом.
Душа отправилась в полёт
К небесным, радостным просторам.
В великом горе Серафим
Идёт глухим саровским бором.
Топор да узел хлеба с ним,
Да медный крест на балахоне.
Вот и избушка в сосняке.
Окошко, дверь, скамья при входе,
Стол и лампадка в уголке.
И печка русская, просторно,
Чуть ли не всё жильё внутри

Занявшая. И кладь отборных
Сосновых дров охапки три.

«Ах, братья милые! Сердечно
Вы потрудились без меня». —
Чернец разжёт дровишки в печке
И сел погреться у огня.

* * *

Ещё звучат в душе моления
Христу, Пречистой и святым,
А уж душевное стремленье
В весеннее лесное пенье,
В неукротимое цветенье
Ты устремляешь, Серафим!
В твоей котомке невеликой,
Не денег-тряпок через край,
Лежат Евангельские книги,
Псалтирь да хлеба каравай.
В чащобе дикой, на полянке,
Куда лишь только ты и вхож,
Распустишь связанные ляжки,
Краюшку хлеба отщипнёшь.
Намнёшь в руке и разбросаешь,
Предощущеньем встречи рад,
И птиц ликующие стаи
На угощенье налетят.

И ты подумаешь: «Когда-то

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.